

ТАМАРА ЛЁННГРЕН

Слово *баня* и его производные в русском литературном языке и в народных говорах

1. В лексику русских народных говоров, кроме собственно диалектных слов, таких как *дянки* 'рукавицы', *сочить* 'искать', *абоды* 'угощение в день, когда режут скот', *баркан* 'морковь' и т. д., входят слова, которые употребляются в русском литературном языке и в говорах имеют ограниченную территорию распространения. В качестве примера таких слов можно назвать слова *зимник*, *курень*, *бал*, *плакать*, *беречь*.

Иногда такие слова на одной и той же территории могут употребляться как в значении, известном в литературном языке, так и в значении, свойственном определенному говору, например, *беречь* 'угощать', *крутой* 'быстрый, ловкий', *надомник* 'зять, принятый в дом невесты' на территории Даугавпилсского района Латвии.

Изучение таких слов представляется интересным в самых разных аспектах, но, в отличие от собственно диалектных слов, давно привлекающих внимание диалектологов и являющихся предметом описания различных областных словарей, эти слова чаще всего изучаются в связи с другими проблемами и обычно не бывают предметом специального исследования.

В данной работе речь пойдет о слове *баня*, относящемся к упомянутому разряду слов. Это слово обозначает важную реалию русского быта и употребляется как в литературном языке, так и во многих, преимущественно северных, говорах. Работа посвящена разностороннему исследованию слова *баня*: с учетом культурологического аспекта и опыта носителя языка (или говора) рассматриваются ассоциативно-деривационные отношения производных, мотивированных этим словом, и выявляется организация их междусловных парадигматических отношений в литературном языке и в народных говорах. При этом важно отметить, что многие производные данного слова не встречаются в литературном языке, т. е. они относятся к собственно диалектной лексике.

2. Слово *баня* имеет обширную лингвистическую библиографию. По поводу происхождения этого слова в славянских языках ученые раз-

делились по крайней мере на три группы: одни доказывают, что слово заимствовано из греческого, другие утверждают его латинское происхождение, третьи объясняют **ban'a* как исконное славянское слово (см. ЭССЯ,¹ с. 151–2). Не вдаваясь в подробности этимологических изысканий, буду исходить из того, что это слово известно на Руси с XI века (ЭСРЯ).

Слово *баня* закрепилось на русскоязычной территории главным образом в значении 'специальное помещение, где моются и парятся', вытеснив тем самым существовавшее ранее название для такого помещения *мывня* (*мыльня*, *мовня*, *мыльница*, *мовница* и т. д.). Таким образом появилось новое название помещения, где моются и парятся, *баня*, а для названия действий, совершаемых в бане, продолжают употребляться глаголы *мыться*, *париться*.

Исследования диалектного материала показывают, что употребление глагола *баниться*, мотивированного словом *баня*, не характерно для территорий, где есть бани. Этот глагол отмечен главным образом в южных говорах, на территории распространения которых для мытья используются другие приспособления, например, раньше могли мыться в печи, в корыте и т. п. Глагол *банить/-ся* употребляется в южных говорах преимущественно в значении 'мыть, делать чистым в горячей воде'. В СРДГ глагол *банить* дается с пометой общедонское в значениях: 1. 'мыть, стирать белье'; 2. 'смазывать пол (о глиняном поле)'. Глагол *баниться* отмечен в этом словаре в значении 'мыться'. О том, что глаголы, мотивированные словом *баня*, малоупотребительны в русском языке, свидетельствует не только языковая интуиция, но и данные справочной литературы, например, в ЧС(З), ЧСТ, СП, СО, МТС, ЛОРЯ, ЧС(Ш) глаголы *банить*, *баниться*, *побанить*, *побаниться* не отмечены. Кроме того, было проанализировано около 300 контекстов, включающих слово *баня* и глагол, и только в двух из них встретилось *баниться*, *побаниться* в бане: "Пайду в баню мытца, паритца, банитца" (Манаенкова, 1989) и "По субботам жарко топилась баня. Алеше предложили побаниться." (Пермитин, Е., Первая любовь, пример из МАС).

3. Прежде чем приступить к исследованию собственно лингвистической проблемы, связанной с изучением развития семантики слова, хотелось бы обратить внимание на важность и специфичность реалии, для обозначения которой это слово употребляется в языке.

¹ Для справочной литературы используются сокращения, указанные в библиографии.

Казалось бы, что в данном случае, когда речь идет о слове *баня*, обращение к культурологическому аспекту излишне: вряд ли кто усомнится в своих знаниях о том, что такое баня. Пожалуй, если бы речь шла о семантике этого слова только в литературном языке, можно было бы ограничиться данными его толкований, приведенными в толковых словарях. Когда же речь идет об исследовании семантики этого слова в народных говорах, то в необходимости его всестороннего изучения убедиться нетрудно.

Русская баня – это важная реалья не только русского быта, но и всей жизни русского человека, характерная черта русской культуры. С баней связано много русских традиций, обычаев. Приглашение в баню, например, входит в русский народный обычай приема гостей:

С пыльной дороги и после тяжкого пути гостя охотно угощают жаркой, парной банькой, предлагая выпариться словами: “смыль с себя художества, намыль хорошества”. Гости входят в баню со своим приговором: “пар в баню, чад за баню!”, а выйдут с обязательной благодарностью гостеприимным хозяевам: “на пару, на баньке, на веничках!” “Здорово попарился? – скажет, в свою очередь, хозяин и тут же поздравляет гостя: С легким паром!” (Максимов, 1955).

К оборудованию и приговлению бани для гостей относятся так же заботливо и тщательно, как и к благоустройству жилища:

Диву дался Потап Максимови, войдя в баню ... Такой баней сроду никто не угощал его. В предбаннике на лавках высоко, в несколько рядов, наложены были кошмы, покрытые белыми простынями; весь пол устлан войлоками и на них раскидано пахучее сено, крытое тоже простынями. В бане на полках и на лавках настланы были обданные кипятком калуфер, мята, чебер, донник и другие пахучие травы. На лавках лежали веники, стояли медные луженые тази со целоком и взбитым мылом, а рядом с ним большие тuesa, налитые подогретым на мяте квасом для окачивания перед тем, как лезть на полок. На особом, крытом скатертью, столике разложены были суконки, мелко расчесанные вехотки и куски казанского яичного мыла. (Мельников, 1986).

В народных песнях поется о разных состояниях человека в связи с посещением бани. Например, если на душе тяжело, то надо

Сходить в знойну-парну баинку,

Не отмою, не отпарю ль
Эту тоску и кручинушку (ПОС)

или воспеваются ощущение чистоты, красоты, удовольствия, которое получает человек после бани: “Выйду из парной байны, стану своим белым бумажным телом на шелков веник” (СРНГ). К бане обращаются как к живому существу: “Растопляйся, парна баенка!” (СРНГ).

В отличие от произведений устного народного творчества, в художественной прозе баня описывается преимущественно как общественное заведение в связи с сатирическим изображением различных общественных пороков, например, “В бане” А. П. Чехова идет дискуссия о том, что “невеста нынче лютый” (Чехов, 1955). Советский образ жизни и его бытовые проблемы великолепно показаны в рассказах М. Зощенко “Баня” (Зощенко, 1990), “В бане” (Зощенко, 1960), “Рассказ о банях и их посетителях” (Зощенко, 1968):

Конечно, читатель может попытаться, какая дескать, это баня?

Где она? Адрес?

Какая баня? Обыкновенная. Которая в гривенник. (Зощенко, 1990).

О своем произведении “Баня” В. Маяковский пишет, что она (“Баня”) “моет (просто стирает) бюрократов.” (Маяковский, 1978).

Своеобразно и многосторонне раскрывается семантика слова *баня* в пословицах и поговорках, которые, по словам В. И. Даля, “не сочиняются, а вынуждаются силой обстоятельств, как крик или возглас, невольно сорвавшийся с души” (Даль, 1984): *Баня без пару – что щи без навару* – в бане обязательно должен быть пар, иначе она такая же “пустая”, как ненаваристые, без мяса, постные щи. *Каких дураков нет, и после бани чешутся* – чешутся только от грязи, а после бани чесаться невозможно, в бане отмывают всю грязь. *Свет не баня, для всех места хватит* – размеры бани ограничены. *Слепой в баню торопится, а баня не топится* – в баню ходят только тогда, когда ее истопили, когда в ней тепло. *Табак да кабак, баба да баня, одна забава* – в бане получают удовольствие. *Баня – мать вторая, кости распаришь, все тело направишь* – такая же заботливая, как мать, во всем поможет, излечит все недуги. *Помни день субботний: иди в баню* – все нужно делать в свое время, не забывать о нужных

делах. В баню идти — пару не бояться — в бане всегда есть пар (ср. волков бояться — в лес не ходить). Пар любить — баню любить — для того, чтобы был пар, надо испить баню. Баня парит, баня прашит. Баня все прашит — после бани все бывает хорошо, все недуги пройдут. Коли б не баня, все б мы пропали — баня — жизненно важная реалия. Баня не заговенье — в баню можно ходить всегда. По рукам да в баню — родственники жениха и невесты договорились о свадьбе, после чего будет свадебный обряд, в который входит мытье в бане. Из баньки да в ямку — о смерти новорожденного: раньше женщины рожали детей в бане, т. к. в избе было мало места, было тесно, и т. д. Много моментов свадебного обряда на Руси было связано с баней. В Домострое, например, есть специальная глава “Свадебный чин”, в которой дается подробное описание организации и проведения всего свадебного обряда, в том числе и посещения молодых бани. Однако в русском литературном языке, в отличие от народных говоров, названия этих обрядов не сохранились.

4. Спустя девять с лишним веков рядом с появившимся в XI веке на Руси словом *баня* в активном словаре современного русского языка появляется слово *сауна*. Нельзя сказать, что в русском литературном языке это слово имеет какие-то отрицательные оттенки. В словарях это слово толкуется вполне нейтрально: “финская баня с горячим сухим воздухом в парной и холодным бассейном” (СО); “финская баня с горячим сухим воздухом в парной, который надо чередовать с холодной водой бассейна (или естественного водоема)” (МАС), но другой оттенок значения имеет это слово в повседневной жизни. Например, в самом современном Корпусе русских текстов объемом в 1 млн. словупотреблений, составленном в Упсальском университете, это слово встречается в таких примерах: “Если он ‘любит тете, это слово встречается в таких примерах: “Если он ‘любит жить’, вы приглашаете его, допустим, в дом отдыха предпринятия, где к его услугам — сауна, бассейн и прочие удовольствия” (*Социалистическая индустрия*, 1988); “Словно руководители совхоза на собственном огороде сауну поставили” (*Правда*, 1987); “... гуляет сама по себе, шляясь по театрам, подпольным вернисажам, саунам...” (Толстая, 1988); “Они легают тоску по деревне, поскольку выбили себе шикарные городские квартиры и теперь вынуждены ездить на лифте и мыться в ванне ... — Нарушая свою философскую невозмутимость он [Андрей] материл таких литературных шулеров, таких лицедеев. — Ходит в сауну, но воспевают баню по-черному, с кваском ...” (Гранин, 1983).

У Юрия Нагибина есть рассказ “Сауна и зайчик”, в котором описывается вся “кухня” приема Высокого гостя в небольшом городке недалеко от столицы, где “три райисполкома имела превосходно оборудованная сауна, которой местные руководители почти не пользовались”, но она была первой необходимостью для того, чтобы встретить “как положено дорогого гостя”. А возле Дерки-саунишницы “стикнет ветер любых перемем”. Но время уже было другое:

[...] странным, каким-то большим голосом Высокий гость произнес:

— В сауну? ... С коньячишком? ... С официанткой? ...

— Как водится, — пробормотал Первый.

— Неужели сам не понимаешь, в какое время мы живем? Сауна!

[...] Забыли о наших отцах, босонотых большевиках. Разве дурали они о саунах? Даже слова такого не знали.

— Нешто тогда люди не парились?

— Мокрым паром.

— Чего? — не понял Первый.

— Мокрым, а не сухим паром, — пояснил Высокий гость. (Нагибин, 1989).

Трудно сказать, что хотя бы в одном примере *сауна* употребляется в сочетании с положительной характеристикой. Думаешь, что такое употребление этого слова в приведенных примерах связано с тем, что само слово *сауна* ассоциируется в сознании большинства людей с показателем престижной, “красивой” жизни, да ко всему прочему еще и слово не русское, “импортное”. Фактическая разница между сауной и русской баней в способе отделения пота: в сауне отделение пота вызывается в сухом, горячем воздухе, а в русской бане вместо сухого воздуха применяется воздух, насыщенный водяными парами. Что касается бассейна с холодной водой или естественного водоема, то в современных русских банях чаще всего есть бассейн, деревянная же баня строится преимущественно у реки или озера, а зимой обтираются снегом, купаются в снегу. Вот пример описания одной из таких процедур:

Вдруг Потоп Максимыч прыгнул с полка и стремглав кинулся к дверям. Распахнув их, вылетел вон из бани и бросился в сауну. Снег обжег раскаленное тело, и с трюмким готованием начал Чапурин валиться по сауну. Минуты через две все бежал назад и прямо на полук. [...] Три раза валялся в сауну Потоп Мак-

симвыч, дюжину веников отхлытали об него здоровенные бельцы, целый жбан холодного квасу выпил он, заливая банный пар, насилу-то, насилу отпарился. (Мельников, 1986).

По поводу современных русских саун можно заметить и то, что не редки случаи, когда новую свою баню хозяева, их друзья, соседи и родственники по-модному называют сауной и парятся там по всем правилам настоящей русской бани. Несомненно номинации наблюдаются и в связи со словом *баня*: баней иногда называют помещение, которое совсем не соответствует обычному представлению о бане, толкованию его в словарях, например, на шахтах Донбасса, место, где моются шахтеры после работы, называется шахтная баня, или просто баня. На самом деле это не баня, а только душевые кабины, где не парятся, а только моются под душем.

5. Согласно толкованиям, приведенным в существующих толковых словарях русского языка, в современном русском литературном языке слово *баня* употребляется в значениях: 1. 'специальное помещение или учреждение, где моются и парятся'; 2. (разг.) 'мытье людей'; а также в переносном значении *задать баню* 'отругать, разбранить кого-либо'; *банний* толкуется как прилагательное к слову *баня*, *банщик* 'работник бани, обслуживающий моющихся в бане'; *банищница* женск. к *банщик*; *предбанник* 1. 'помещение для раздевания в бане'; 2. (перен.) 'небольшое помещение, через которое входят, проходят куда-нибудь'. В БАС приводятся областные, просторечные и специальные значения производных, мотивированных словом *баня*: *банник* 1. (обл.) 'веник, которым парятся в бане'; 2. (воен.) 'цилиндрическая щетка на древке, применяемая для чистки канала артиллерийских орудий'; *банить* 1. (простореч., обл.) 'мыть в теплой воде, парить'; 2. (воен.) 'прочистить канал артиллерийского орудия'; *побанить* (обл.) 'помыть в горячей воде, попарить'. В МАС, как было отмечено выше, глагол *побаниться* дается с пометой простореч. в значении 'помыться в бане'.

В *Словообразовательном словаре русского языка* (Тихонов, 1985), словообразовательное гнездо слова *баня* представлено такими словами: *банька*, *банщик*, *банищница*, *предбанник*, *предбанничек*, *банний*, *банно-прачечный*, *банить* II, *баниться*, *побанить*, *баня-прачечная*. Сопоставление этих данных с приведенными выше данными толковых словарей свидетельствует о том, что речь идет не только о словообразовании в русском литературном языке.

Хорошее представление о реальном употреблении (частотности и сочетаемости) слова *баня* и его производных в литературном языке дает упомянутый выше Корпус русских текстов. В этом Корпусе слово *баня* в значении 'помещение, постройка' встречается 39 раз, 'помещение бани' — 3 раза: из них 2 примера в сочетании 'лишить бани' и 1 — 'после бани, когда особенно хочется чего-нибудь кислого'. *Банька* (уменьшит. к *баня*) встречается 3 раза. Трижды отмечено прилагательное *банний* в контекстах: 'банний таз', 'банний воздух', 'банний лист'.

Что касается развития значений слова *баня* в диахроническом аспекте, то сопоставление данных словарей современного русского литературного языка, СДРЯ и СРЯ свидетельствует о том, что в современном русском литературном языке слово *баня* имеет меньше значений, чем в XI–XVII вв.

Так, в СДРЯ это слово отмечено в значениях: 1. 'источник (по преимуществу теплый)'; 2. 'баня, помещение, где моются и парятся'; 3. 'мытье'; перен. 'духовное очищение'. Отмечено также употребление этого слова в словосочетании *войти в баню* (*выйти из бани*), когда речь шла о крещении. *Банний* (*баньный*) толкуется следующим образом: 1. прилагат. к баня²; 2. прилагат. к баня³; 3. перен. 'очистительный'. В значении 'банщик' отмечено слово *банник* (*баньник*).

Из СРЯ следует, что слово *баня* употреблялось в значениях: 1. 'источник, теплый минеральный ключ, озеро'; 2. 'место или сосуд для омовения'; 3. 'постройка, помещение для мытья, баня'; 4. 'крещение, христианский обряд'; *банька* уменьшит. к *баня*²; *банищка* и *банищко* уменьшит.-уничижит. к *баня*³. Как видим, в этом словаре слово *баня* не приводится в значении 'мытье'. Производные, мотивированные словом *баня*, отмечены в значениях: *банний*, *баньный* прилаг. к баня²; прилагательное *банний* отмечено также в словосочетании *банные рожки* 'банки медицинские'; *банное*, *банское* 'плата с посетителей торговых бань'; *банник*¹, *банарь*, *банчий*, *банщик* 'служитель при бане; содержатель или хозяин бани'; *банник*² 'специальная щетка для чистки ствола пушек'; *банищков* прил. к *банщик*; *банищца* женск. к *банщик*; *банищца* 'баня'; *банище* 'место, где стояла баня'.

Глагол *баниться* отмечен в обоих словарях в одном и том же контексте из разных списков, но толкование дано разное: в СДРЯ — 'мыться', а в СРЯ — 'мыться в бане'.

В связи с историей употребления слова *баня* интересно заметить,

что в *Lexicon Slavonicum* (1988) также встречаются слова: *баня* 'мыльня, мыльница'; *банний* 'мыльный, оумывальный'; *бани* 'оумывальницы, мыльницы', *банникъ* 'банщик, помазатель'; *банник помазатель*; *банька*.

Сопоставление данных исторических и современных толковых словарей свидетельствует о том, что в современном русском языке сокращение количества значений слова *баня* произошло за счет того, что не сохранилось употребление этого слова для обозначения религиозных обрядов, хотя не исключено, что в этом значении оно продолжает существовать в отдельных сектах баптистов. Другие значения этого слова и его производных в связи с народными обычаями, традициями, обрядами в русском литературном языке не нашли своего развития.

6. Совершенно по-другому выглядит эта картина в русских народных говорах.

Для наиболее развития значений слова *баня* и производных, им мотивированных, в народных говорах в основном были использованы данные СРНГ, ПОС и материалы, собранные мною в диалектологических экспедициях на территории Даугавпилсского и Краславского районов в Латвии (1988–90) и Житомирской области на Украине (1992).

В говорах слово *баня* встречается в разных формах: *байна*, *байня*, *баення* и др.; поскольку в задачи настоящей работы не входит описание варьирования этих форм, а речь идет о значении слова, то в дальнейшем будет приводиться только одна форма *баня*.

Слово *баня* в русских народных говорах отмечено в таких значениях: 1. 'специальная постройка, в которой моются и парятся' – "От и байни в нас. От у байни парятса. Это уже после войны стали байни строить. Эти, украинцы, аны не мылись." (из материалов по Житомирской области, далее – Л); 3. 'круглый свод' – "У нас часовня, а у них там церква, у городе, з байней, большущая." (Ж); 4. 'колыбель' – "В этом угле мы и тут и баенна, а те постарше которы, у нагах спали." (Л); 5. 'свадебный обряд: а) невеста моется в бане последний раз перед венчанием; б) молодые на другой день после венчания первый раз идут в баню; 6. в свадебном обряде: а) величальная песня в честь гостя, подносящего подарки; б) песня девушек, с которой они сопровождают невесту в баню. В словаре В. И. Даля отмечены и другие

значения слова *баня*: "Притон дикого кабана, куда он выходит из камышей поваляться и почесаться у камня, пня или кочки; тут его поджидают и бьют"; "дугая стеклянная посуда, пузатая бутылка; шар, мыльный пузырь" (Даль, 1975).

Значения, в которых слово *баня* употребляется в говорах, можно разделить на две группы по наличию компонента 'мытье', который входит в значения первой группы: 1. специальная постройка, в которой моются и парятся; мытье в бане; свадебный обряд (сюда же можно включить и название величальной песни); 2. круглый свод; колыбель; притон дикого кабана; дугая стеклянная посуда, пузатая бутылка; шар, мыльный пузырь. Дальнейшие наблюдения будут касаться значений первой группы, имеющей непосредственное отношение к аналогичному значению слова *баня* в литературном языке.

В зависимости от того, как баня устроена, каким способом она отапливается, слово *баня* употребляется в сочетаниях: *белая баня*, *баня по-белому* 'баня, имеющая печь с дымоходом наружу' – "У нас баня-то белая, с трубой." (Л); *первобытная баня*, *черная баня*, *баня по-черному* 'баня, обогреваемая печью без дымоотвода' – "А у нас все бани по-черному. Как в ней вымоешься, так хорошо, венчик надо только. – Печь топится и весь дым в баню, где-нибудь окошко отрыкнуто маненько, да и все. По-черному баня она лучше." (СРНГ); *баня силовая* – баня больших размеров (ПОС, Л).

Если печь истоплена, вода нагрета, полки вычищены, высокоблenny, все приготовлено для того, чтобы мыться, говорят: *баня готова*, а если печь жарко натоплена в бане, то говорят: *баня жаркая*, *баню нажарить* – 'жарко натопить печь в бане' (ПОС, Л, Ж).

В старинной народной игре есть правило *баню рубить* 'платить фанты в игре, целовать четверых' – "Баню рубить, выбирай чатьре парня, станава па углам, каждая цагуй." (ПОС, Л) В значении избить, сильно избить, выпороть употребляются сочетания: *еилить баню*, *стопить баню*, *устроить баню*, *сделать баню*, *дать баню*, *сухая баня*.

Производные, мотивированные словом *баня*, отмечены в говорах в следующих значениях: *байнушка*, *байноха* – уменьшит.-уничижит. к *баня*; *баневка*, *банька*, *банька*, *байневка*, *байневка*, *байношка* – 1. 'баня'; 2. 'баня' небольших размеров; 3. ласкат. к *баня*; *баньца*, *байноха* – 'баня' больших размеров; *байнище*, *баньце* – 1. 'место, где стоит баня'; 2. 'сруб для бани'; 3. 'место, где прежде стояла баня' (по народному поверью такое место считается нечистым и строить на нем больше ничего нельзя); *байница* – название пус-

тоши; *банева*, *банека* – ‘яма, куда стекает грязная вода из бань, помой’; *банный*, *баенный*, *байный* (прилагат.) – 1. ‘относящийся к бане: банное ведро, банный истопник, банный день’; 2. ‘чистый: банная рубаха, банная перемена (одежда, которую надевают, вымываясь в бане)’; *баница* – ‘работница общественной бани’; *баница* – ‘женщина, которая топит баню’; *баницик* (*байник*, *банник*, *баеницик*, далее – *баницик*) – 1. ‘хозяин, владелец, содержатель бани’; 2. ‘истопник бани’; 3. ‘охотник мыться в бане’; *банник* – ‘растение, трава, которая растет в болотистых местах’; *прибайник* ‘предбанник’.

Кроме указанных значений, производные слова, как и производящее слово *баня*, употребляются в говорах для наименования разных моментов свадебного обряда.

В разных регионах России есть особенности свадебного обряда, названия которых сохранились в русских народных говорах. О том, что связано с баней в свадебном обряде, в общих чертах, можно сказать следующее: когда прошел створ между родственниками жениха и невесты, невесту ведут в баню. Этот обряд называется *вестиповести невесту в баню*. Баню для невесты топят бойкая девушка, подруга невесты, которую называют *байная истопница*. Затем следует обряд, называемый *баня*. ‘Это невеста уже в баню когда идет, последний раз-то, завтра венчаться, дак уж причитай при народе там всяко.’ (Л); невеста моется в бане последний раз перед венчанием, угощает вином и сладостями подруг, которые поют при этом обрядовые песни. Например, в Усть-Цилемском районе подруги, причитая невесте, воспевают весь процесс подготовки бани и приглашения невесты в баню. Баня величается ласково *баенка*:

От баенки да от парной,
Эх, истоплена, ах, да парна баенка [...]
Вызываем мы да Марью в баенку:
Мы истопили тебе да парну баенку (Песни Печоры, 1963).

На свадьбе жениху и невесте обязательно дарят подарки. Процесс подношения подарков называется *баенник*, а величальная песня в честь гостя, подносящего подарок невесте, – *байник*, *байничек* или *баня*: ‘Ну там подарки какие, байну поют тогда’ (Ж). Иногда *баенником* называют мелкие вещи, деньги, которые собирают для невесты перед тем, как ее начнут одевать, наряжать к венцу. Есть *мыльные подарки*, которые преподносит молодая сваха на второй день свадьбы.

После того, как молодые первый раз после венчания побывали в бане, следовал *банний обед*.

Важная часть свадебного обряда – это свадебный хлеб, *банник* (*баенник*, *байник*, далее – *банник*). В разных регионах России приговление хлеба, подношение его и т. д. проходило по-разному. В одних местах – это чистый, ржаной, без примеси ячменной муки хлеб, который зашивают в скатерть вместе с двумя пшеничными калачами, столовой чашей, миской, солонкой с солью и двумя ножами, не бывшими в употреблении ложками. Все это делает невеста с подругами в бане, после того, как она выпарилась и вымылась. Этот хлеб расширяют утром, когда молодые после венчания первый раз побывают в бане.

Банник (хлеб, соль, жареная птица, два полные столовые прибора, зашитые в скатерть) могла давать жениху и невесте, каждому отдельно, их крестная мать в благословение, или мать невесты благословляла банником молодых, отъезжающих к венцу. Этот хлеб возили в церковь и во время венчания он стоял у клироса, потом его отдавали свахе, которая расшивала его на другой день, по выходе молодых из бани. Банник молодые должны есть одни. Этот хлеб могли нести дети во время следования жениха и невесты на венчание и обратно.

Иногда *банник*, каравай из пшеничной муки с солонкой наверху и двумя рыбными пирогами по сторонам, подавали на стол при большом рукобитье, когда согласие на выдачу замуж невесты объявлялось жениху. (Ср. пословицу: По рукам – и в баню).

Употребление слова *банник* отмечено в народных говорах не только в связи со свадебным обрядом.

В Новгородской области *банником* называли каравай хлеба, который приносили при посеве в пользу церкви (СРНГ).

Как уже было отмечено, часто женщины рожали детей в бане. О повитухе, занятой повиванием новорожденного, говорили: *баушка* (*бабушка*) *банит*. Пирог, которым угощала женщина по поводу рождения ребенка, называли тоже *банник*.

В народном поверье считается, что в бане, под печкой-каменкой, живет сверхъестественное существо, злой дух, особая порода домашнего, *баенный* (суц.) (*баеницик*, *баенник*, *байник*, *баинник*, *байниха*, далее – *баенный*), который не боится ни креста, ни молитвы. Верят, что он давит людей, обдирает кожу, особенно у пьяных и тех, кто очень поздно пойдет один в баню или будет париться в четвертый раз. Пар выживает баенного временно, а в нетопленной бане он

живет всегда. Он не любит рожаящих в бане женщин, поэтому считается, что их там нельзя оставлять одних. По суеверным представлениям банный может напускать на людей болезнь, которая называется *банная нечисть*. Против злых духов, в том числе и банного, есть заговор: "Овинны, банны, гуменны, подите царю мост мостить." (СРНГ). Иногда злого духа, живущего в бане, называют *банный жидорь, банный шишок, банная баушка*.

Встречается прозвище *банник*, которое дети давали злому мальчику. Прозвище *угол банный* получал крестьянин за какие-либо физические или другие недостатки. О человеке, плохо одетом или голом, в Сибири говорят "по-банному покрытый" (СРНГ).

Так в общих чертах выглядит картина развития значений слова *баня* и его производных в говорах.

7. Имея представление о значениях слова *баня* и его производных в русском литературном языке и в народных говорах, можно приступить к следующему аспекту исследования: упорядочению и анализу этих значений.

Сначала попытаемся упорядочить значения слова *баня* и производных, им мотивированных, по принципу иерархической зависимости с учетом словообразовательных значений и применением некоторых элементов компонентного анализа.

Производящее слово *баня* обладает первичной референцией. Это слово относится к разряду непроизводных слов, его значение не связано с его звуковым составом, не мотивируется его строением, т. е. имеет знаковый характер.

Производные, как в литературном языке, так и в говорах, обадают вторичной референцией, их значения определяются их строением и мотивируются значением производящего слова *баня*.

Обладая первичной референцией, слово *баня* имеет интегральное значение 'помещение', и это значение, как дифференциальный признак, обязательно входит в каждое из значений производных, им мотивированных (за исключением семантического производного *баня*²). Каждое из производных, обладая вторичной референцией по отношению к мотивирующему, имеет интегральное значение, которое может не входить, как дифференциальный признак, в значение мотивирующего слова.

Для установления иерархической зависимости значений указанных слов важен принцип центральности, который заключается в следующем: а) значение производного может быть ближе к центру значения

производящего или находиться на его периферии; б) производное и производящее тем прочнее связаны друг с другом, чем больше общих признаков они имеют. Таким образом, соотношение центральности — периферийности производного и производящего имеет прямопропорциональную зависимость, например, значение производного *предбанник* 'помещение для раздевания в бане' ближе к значению производящего *баня* 'помещение, где моются и парятся', чем значение производного *банищик* 'человек, обслуживающий посетителей бани'. Близость значений *баня* и *предбанник* обеспечивается общим для обоих слов интегральным значением 'помещение'. Интегральное значение производного *банищик* — 'человек'. В данном случае связь с мотивирующим *баня* слабее, потому что она осуществляется только за счет дифференциального признака '... обслуживающий посетителей бани'.

Слова *баня*¹ 'помещение' и *баня*² 'мытье не в бане' занимают периферийное положение по отношению друг к другу, т. к. интегральное значение семантического производящего *баня*¹ 'помещение' не является дифференциальным компонентом значения слова *баня*² 'мытье не в бане', и они двусторонне связаны только одним дифференциальным признаком: 'мытье'. Интегральное значение семантического производного *баня*² 'мытье' исключает наличие его в качестве дифференциального в слове *баня*¹ 'помещение', но входит как дифференциальный признак 'мыться' в значение слова *баня*¹ 'помещение, ...'. Интегральные значения этих двух слов как бы отталкиваются друг от друга, но связь между ними остается, хотя и довольно слабая.

Сложнее определить место в иерархической зависимости для слова *банный*. Трудность заключается в том, что не ясно, какое место в значении слова *банный* занимает компонент 'помещение'. Конечно, нетрудно выявить компонент 'помещение-баня', если речь идет о *банном веннике, банном воздухе, банной шийке* и т. п., но как быть, если это *банное полотенце*, что значит 'большое полотенце', или *банный день*?

В говорах еще труднее установить иерархическую зависимость значений производящего слова *баня* и его производных по тем же принципам, что и в литературном языке, и это не является случайной неожиданностью.

То, что упорядочение диалектного материала всегда сопряжено с большими трудностями, не ново. Существующие теоретические разработки общих вопросов языка в русском языкознании производят

лись и производятся преимущественно на материале литературных языков, причем в их письменной форме. Результаты таких разработок почти не прикладываются к диалектному материалу. Особенно ощутим этот недостаток сейчас, когда накоплено огромное количество диалектного материала, который действительно является уникальным сокровищем русского языка и русской национальной культуры и нуждается в описании и систематизации.

8.1. Обзор научной диалектологической литературы свидетельствует о том, что диалектологи находятся в постоянном поиске более эффективных методов исследования накопившегося материала и что многие вопросы, особенно касающиеся семантики диалектного слова, все еще остаются открытыми. В связи с этим хотелось бы высказать некоторые соображения по поводу применения когнитивного аспекта в описании семантической структуры диалектного слова и организации его междусловных парадигматических отношений.

Диалектное слово существует только в устной форме и семантика его определяется исключительно языковым чутьем носителя говора и характерным для его языкового сознания понятийным членением мира. Невозможно проникнуть в сущность семантической структуры диалектного слова и объяснить механизм междусловной семантической парадигмы этого слова в говоре без осознания того, как, каким образом диалектоноситель обычно классифицирует слова естественного языка, какие особенности его интеллекта позволяют ему осуществлять категоризацию именно таким, а не другим образом.

Известно, что классификации реалий у различных народов мира не одинаковы. Классификация, произведенная самим человеком, чаще всего не соответствует классической теории категоризации, которая рассматривает отношения между реалиями естественного мира и выявляет необходимые и достаточные условия, общие характеристики, релевантные для последовательной их классификации, но не учитывает того, как человек осмысливает мир.

В качестве примера естественной классификации можно привести классификацию реалий окружающей действительности в традиционном варианте дьирбала (Dyigbal) – языка аборигенов Австралии, описанную Дж. Лакоффом в работе “Мышление в зеркале классификаторов” (Лакофф, 1988). Говорящий на языке дьирбал перед каждым существительным в предложении употребляет один из четырех классификаторов, при помощи которых классифицируются все предметы

окружающего мира. Принцип организации таких классов полностью отличается от классической теории. Здесь в одну категорию, например, класс II (balap), включаются члены, не имеющие общих характеристик, релевантных для классификации: женщины, бандикуты (сумчатые барсуки), собаки, утконосы, ехидна, некоторые змеи, некоторые рыбы, большая часть птиц, светлячки, скорпионы, сверчки, волосатый червь, все, связанное с водой или огнем, солонцем и звездами, щиты, некоторые типы копий, некоторые деревья и т. д., они принадлежат к одной категории в силу их цепочечного объединения в один класс.

8.2. Что-то подобное такой классификации наблюдается в объединении реалий, обозначаемых словом *баня* и его производными в говорах: здесь и хлеб, и трава, и человек, и злой дух и постройка и т. д. Когнитивный подход к интерпретации языкового материала позволяет объединить такие слова в категории, не имеющие общих характеристик. Подобные категории слов могут рассматриваться как когнитивные модели, “которые должны помочь осмыслить ту часть опыта человека, которая ограничена человеком и воспринимается самим человеком”, в отличие от классической теории, которая “ставила перед собой задачу выявить независимо от мышления человека необходимые и достаточные условия для последовательной классификации всех реалий” (Лакофф, 1988). Категории, сформированные по принципам когнитивной теории, имеют цепочечную структуру, т. е. их формирование происходит путем нанизывания, сцепления.

Применительно к исследуемому материалу, такой категорией могут быть слово *баня* и его производные. Каждое слово в цепочке представляет собой такое звено, с которого начинается нанизывание. Эти слова, содержащие формант *-бан-*, могут рассматриваться как организующие компоненты цепочки, или когнитивные точки референции (термин Э. Рош), занимающие ведущее место в нанизывании этих цепочек. Им принадлежит особое место в умозаключениях, лежащих в основе определения содержания и последовательности соединения таких цепочек. Подобные категории являются категориями человеческого мышления, которыми владеют все носители языка или отдельного говора.

Дж. Лакофф говорит о трех принципах, руководствуясь которыми носители языка дьирбал определяют категориальную принадлежность слова: 1. Принцип сферы опыта, согласно которому существуют определенные сферы опыта, значимые для категоризации ре-

алий, например, рыбная ловля, огонь и т. д. Они определяют связи в категориальных цепочках: если рыбы относятся к классу А, то и снасти будут относиться к этому же классу. 2. Принцип мифа и поверья, который Дж. Лакофф считает возможным рассматривать как частный случай Принципа сферы опыта с учетом того, что мифы и поверья — это сферы опыта, значимые для категоризации. 3. Принцип важной особенности, который был сформулирован для того, чтобы интерпретировать классификацию всего опасного и вредоносного. Дж. Лакофф подчеркивает, что все, что необходимо знать — это то, какие сферы опыта важны для классификации и что представляется из себя каждая такая сфера.

Эти Принципы, с некоторыми уточнениями, могут быть положены в основу интерпретации исследуемого материала.

8.3. Наиболее важным и значимым для категоризации является Принцип сферы опыта. Являясь участником акта коммуникации, человек либо сам порождает высказывание, либо понимает, что говорят другие. Для того, чтобы понимать, о чем говорят, то есть для декодирования слов, недостаточно только знаний языка. Необходимо еще, как минимум, и знание реалий, о которых идет речь. Например, для знатока только русский литературный язык вполне закономерно может показаться абсурдным высказывание “на баню подарили платок”. Интеллектуальные возможности человека не позволяют ему воспринимать это высказывание как истинное, так как в его опыте нет того, чтобы на баню ‘помещение, мыться, париться’ дарили что-либо, то есть на основе его опыта цепочка, построенная по когнитивной точке референции (далее — КТР) *баня* ‘помещение, мыться, париться ...’, не включает звеньев ‘подарок, дарить ...’.

Другим таким примером может быть словоупотребление *банная рубашка*. В некоторых говорах слово *банный* в сочетании с существительным, обозначающим белье, одежду, имеет значение ‘чистый’, надеваемый после мытья в бане, в то время как в литературном языке слово *банный* имеет значение ‘относящийся к бане (помещению)’. По опыту человек, не владеющий таким говором, знает, что в бане не нужна рубашка или другое какое-либо белье, то есть в его опыте нет ассоциации, ‘Белье → банный’. Ассоциации со словом *банный* включает, в первую очередь, все, что относится к бане-помещению: банный воздух, таз, веник. Однако *банный* в сочетании со словами *полотенце, простынная, халат* ассоциируется, скорее всего, не с баней-помещением, а с размером и качеством самой вещи: большой,

мягкий, махровый и использоваться такая вещь может после любых водных процедур: душа, ванны, купания и т. д.

В говорах с КТР *банный* может называться, по крайней мере, четыре цепочки: ‘банный → баня: ведро, таз, воздух, тепло, вода, окно, дверь ...’, ‘баный → большой, мягкий: халат, полотенце, тепло, после мытья, купание, душ ...’, ‘баный → грязный: вода, после бани, мытье, банище, носки, надевать, мытье, после бани ...’, ‘баный → чистый: майка, рубаха, носки, надевать, мытье, после бани ...’.

В литературном языке с этой же КТР может называться только три цепочки, причем третья цепочка будет короче, чем в говорах. Как наличие/отсутствие цепочек, так и объем содержания их, определяется опытом человека: в опыте человека, пользующегося городской баней, цепочка ‘баный → грязный’ может выглядеть так: ‘вода или ‘вода, сток, трубы, канализация ...’. В говорах, как было отмечено выше, эта цепочка выглядит по-другому, она более объемна за счет включения других КТР (*банище, банева*), с которых, в свою очередь, происходит называние других цепочек.

Значение производного слова *баня* имеет разные модели в зависимости от опыта человека: для того, кто живет в деревне, это отдельная постройка, не совмещающаяся ни с каким другим помещением. Баня может использоваться не только в прямом назначении, но и для каких-то других хозяйственных нужд, например, в бане можно спрятать, если в избе мало места, но важно здесь то, что это всегда отдельная постройка, которая стоит на банище. Для горожанина баня — это не обязательно отдельная постройка, это может быть отдельное помещение в постройке, совмещающей баню, прачечную, парикмахерскую, косметический кабинет, котельную и т. д. Для носителей южных говоров баня — это вовсе не постройка и не помещение, а процесс, и с КТР *баня* называться цепочка ‘мытье: вода, горячий, мыть ...’.

Опытom человека обусловлено построение разных моделей производного слова *баничик* в литературном языке и в говорах. С КТР *баничик* в литературном языке происходит называние такой цепочки: ‘человек: обслуживать, посетитель, баня ...’. В говорах эта цепочка выглядит несколько по-другому: ‘человек: печь, топить, баня, дрова, вода, обрывать ...’ (обрывать в некоторых говорах имеет значение топить печь, готовить воду, то есть делать все, чтобы в бане было возможно мыться). Такая разница в содержании цепочек обусловлена опытом: городские, или обществанные, бани не надо топить специально, там нет печки, баня имеет центральное отопле-

ние; банщик обслуживает посетителей бани, но он не имеет никакого отношения ни к дровам, ни к печке. В деревенской бане банщик не имеет никакого отношения к обслуживанию моющихся в бане, он обеспечивает возможность мыться в бане, обряжает баню: топил печь, готовит воду и т. д.

Принцип обряда и поверья в основном соответствует Принципу мифа и поверья и тесно связан с Принципом сферы опыта. Целочки, построенные по этому принципу – отличительная черта когнитивной модели исследуемого класса слов в говорах. В литературном языке таких целочек нет. Так, в литературном языке нет целочек, названных с КТР *баня* на основе опыта, связанного со свадебным обрядом (ср. “на баню подарили платок”). В говорах на основе указного опыта с одной и той же КТР может строиться несколько таких целочек, причем в разных говорах эти целочки будут выглядеть по-разному в зависимости от содержания свадебного обряда. В общих чертах эти целочки могут выглядеть приблизительно так: ‘баня → целочка: молодые, венчание, мыться, первый раз, вместе, банник ...’; ‘баня → песня: петь, свадьба, гость, баенник (подарок), дарить, невеста, жених ...’; ‘баня → девичник: невеста, мыться, последний раз, баня, перед свадьбой, подруги, петь ...’; ‘банник → хлеб: свадьба, молодые, благословлять, мать, церковь, сваха ...’; ‘баенник → дарить: свадьба, подарки, невеста, жених, песня, гость ...’

На основе этого же принципа строится целочка ‘баенный → злой дух: жить, баня, холодный, печка, четвертый пар ...’

На основе Принципа важной особенности объединяется все то, что имеет важную особенность для обеспечения возможности мыться и париться в бане: баня (стены, крыша, пол), печь, огонь, тепло, вода, таз, пар ...

В четвертую группу входят слова, не вошедшие в первых три: банник (трава), побанить/ся, банить/ся. Эти слова входят в целочки, которые могут выглядеть приблизительно так: ‘банник → трава: болото ...’; ‘банить → мыть: вода, чистый, горячий, таз, мыло ...’; ‘банить → стирать: белье, корыто, баляя, таз, вода, мыло, порошок ...’; ‘банить → смазывать: пол, глина ...’

Таким образом, слова, соединенные между собой в целочки, название которых происходит с КТР, содержащей формант *-бан-*, распределяются по четверем подклассам. Когнитивный подход к интерпретации материала позволяет на основе знаний и опыта человека объединить в такие подклассы слова, не имеющие общих харак-

теристик: баня, молодые, сваха, благословлять, клирос, причитатъ, хлеб, свадьба, подарок, песня, злой дух, рожать, договор и т. д.

Многоаспектное изучение слов, входящих в литературный язык и в народные говоры, применение когнитивного подхода к интерпретации материала позволяет наглядно представить отношения между реалиями естественного мира и возможностями построения различных классификаций с учетом опыта человека и его возможностей осмысления мира.

СПРАВОЧНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- БАС = *Словарь современного русского литературного языка* (в 17-и томах), Москва – Ленинград 1950–65.
 Birgegård, U. (ed. and comment.), *Spragwefeld, J. G., Lexicon Slavonicum*, vol. 1, Uppsala 1987, с. 22.
 Даль, В. И., *Толковый словарь живого великорусского языка*, том 1, Москва 1978.
 ЛОРЯ = Морковкин, В. В. (ред.), *Лексическая основа русского языка. Ком-плексный учебный словарь*, Москва 1984.
 Манаенкова, А. Ф., *Словарь русских говоров Белоруссии*, Минск 1989.
 МАС = *Словарь русского языка* (в 4-х томах), издание 2-е, Москва 1981–4.
 МТС = Лопатин, В. В., Лопатина, Л. Е., *Малый толковый словарь русского языка*, Москва 1990.
 ПОС = *Псковский областной словарь с историческими данными*, выпуск 1, Ленинград 1967.
 СДРЯ = *Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.)*, том 1, Москва 1988.
 СО = Ожегов, С. И., *Словарь русского языка*, под ред. Н. Ю. Шведовой, 22-е издание, Москва 1990.
 СП = *Словарь языка Пушкина*, том 1, Москва 1956.
 СРГНО = Федоров, А. И. (ред.), *Словарь русских говоров Новосибирской области*, Новосибирск 1979.
 СРДГ = *Словарь русских донских говоров*, том 1–3, Ростов-на-Дону 1975–76.
 СРНГ = *Словарь русских народных говоров*, выпуск второй, Москва – Ленинград 1966.
 СРЯ = *Словарь русского языка XI–XVII вв.*, выпуск 1, Москва 1975.
 Тихонов, А. Н., *Словобразовательный словарь русского языка*, том 1, Москва 1985.
 ЧС(З) = Засорина, Л. Н. (ред.), *Частотный словарь русского языка*, Москва 1977.
 ЧСТ = *Частотный словарь романа Л. Н. Толстого “Война и мир”*, Тула 1978.
 ЧС(Ш) = Штейнфельдт, Э., *Частотный словарь современного русского литературного языка*, Москва 1969.

- ЭСРЯ = Фасмер, М., *Этимологический словарь русского языка*, том 1, Москва 1964.
- ЭССЯ = Трубачев, О. Н. (ред.), *Этимологический словарь славянских языков*, выпуск 1, Москва 1974.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Гранин, Д., "Обратный бинет", *Однофамильцы. Повести и рассказы*, Москва 1983, с. 55.
- Даля, В. И., "Напутное", *Пословицы русского народа*, сборник В. Даля в двух томах, том 1, Москва 1984, с. 13.
- Зошенко, Мих., "Баня", *Twelve stories by M. Zoshchenko*, Slavica Publishers 1990, с. 40-4.
- Зошенко, Мих., "В бане", *Рассказы и повести*, Ленинград 1960, с. 232-41.
- Зошенко, Мих., "Рассказ о банях и их посетителях", *Избранные произведения в двух томах*, том 2, Ленинград 1968, с. 372-82.
- Лакофф, Дж., "Мышление в зеркале классификаторов", *Новое в зарубежной лингвистике*, выпуск XXII, Москва 1988, с. 12-51.
- Максимов, М., "Недовесок к 'Крылатым словам'. Гостить", *Крылатые слова. По толкованию С. Максимова*, Москва 1955, с. 379.
- Маяковский, В., "Что такое Баня и кого она может?", *Собрание сочинений в двенадцати томах*, том 12, Москва 1978, с. 62.
- Мельников, П. И. (Андрей Печерский), "В лесах", *Собрание сочинений в восьми томах*, том 2, Москва 1986, с. 279-80.
- Нагибин, Ю., "Сауна и зайчик", *Вдали музыка и огни*, повести и рассказы, Москва, 1989, с. 450-8.
- Песни Печоры*, Москва - Ленинград 1963, с. 162.
- Правда*, газета, 15 сентября 1987, из статьи "Нужен стимулу простор".
- Социалистическая индустрия*, газета, 23 ноября 1988, из статьи "Лабиринты теневой экономики".
- Толстая, Т., "Сомнамбула в тумане", *Новый мир*, журнал, 1988, номер 7, с. 13.
- Чехов, А. П., "В бане", *Собрание сочинений в двенадцати томах*, том 3, Москва 1955, с. 213-20.